

Захоронения с доспехом у северскодонецких племен в скифское время

Бабенко Л.И.

Babenko L.I. The burials with armour of the tribes of Severskij Donets in Scythian times

Nowadays in the burials of the population of Severskij Donets in Scythian times there are not less than 16 complexes, containing remains of the armour- coat of mail, sword belt, knives. The main part of the burials is possessed by the local militarized top people, who took active part in the campaigns of the steppe Scythians.

Защитное вооружение является неотъемлемой составляющей одного из элементов т.н. «скифской триады», определяющей наиболее характерную специфику культуры целого ряда племен, проживавших в начале раннего железного века на территории современной Украины и прилегающих к ней регионов.

Предметы защитного вооружения не являются распространенной категорией находок погребального инвентаря памятников северскодонецкого локального варианта. К выходу первых обобщающих исследований по памятникам региона предметы доспеха еще не были обнаружены (Шрамко 1962, с.212-215; Либеров 1962, с.36), на что обратил особое внимание П.Д. Либеров, допуская все же среди возможных причин подобного явления «недостаточно широкие раскопки погребений». Более интенсивные исследования курганов на протяжении последующего времени способствовали обнаружению данного вида вооружения в ряде комплексов. Это позволило авторам монографии, посвященной курганам скифского времени северскодонецкого варианта, при характеристике погребального инвентаря отвести различным категориям защитного вооружения небольшой подраздел, содержащий подробные описания обнаруженных предметов доспеха (Бандуровский, Буйнов 2000, с.90-94).

Историография проблемы не исчерпывается указанной работой. Находки элементов чешуйчатого скифского снаряжения на территории Харьковской области были рассмотрены в небольшом специальном исследовании К.И. Бакуменко, проанализировавшего всю доступную источниковую базу и пришедшего к выводу о «до-

статочном уровне вооруженности» северскодонецкого населения, защитное вооружение которого соответствовало требованиям того времени к защите воина (Бакуменко 2006, с.23-26).

Кроме этого, объектом изучения стали предметы доспеха, обнаруженные в погребениях Песочинского и Протопоповского могильников (Бабенко 2005, с.91-97; 2007, с.37).

Погребения с защитным вооружением были рассмотрены и в специальном исследовании, посвященном вооружению и военному делу населения северскодонецкой Лесостепи в конце VI-IV вв. до н.э. [Гречко, 2008, с.26]. Автор оперирует материалами всего лишь 8 комплексов с защитным вооружением, хотя их значительно больше. Однако в контексте изложенной далее информации становится понятно, что исследователь к защитному вооружению относит лишь находки панциря (их тоже больше), а находки поножей и щита рассмотрены вне категории доспеха. По неизвестной причине был полностью проигнорирован такой вид доспеха как портупейные пояса с пластинчатым набором. Нельзя согласиться и с интерпритацией пластинчатого доспеха из кургана № 6 Песочинского могильника как щита – это, несомненно, были остатки панциря [Бабенко, 2005, с.94, 95].

В то же время представляется интересным рассмотреть предметы защитного вооружения в контексте погребальной обрядности северскодонецкого населения. К настоящему времени различные элементы доспеха обнаружены в 16 погребальных комплексах (Рис.1; 2). Не приходится сомневаться, что доля погребений с доспехом была несколько больше, однако ограбленность подавляющего количества курганов не позволяет установить точное их число. В этой связи весьма показателен ряд ограбленных в древности погребений, в которых отсутствует верхняя (до пояса) часть костяка при наличии *in situ* костей таза и нижних конечностей. Извлечение грабителем из могилы части туловища покойника до момента разложения связок свидетельствует о достаточно коротком временном промежутке между захоронением и ограблением, в течение которого доспех не успевал подвергнуться губительному разрушению. В случаях, когда покойник был облачен в доспех, последний изымался вместе с верхней частью тела и вполне был пригоден после мелкого ремонта для дальнейшего использования по прямому назначению. Косвенным свидетельством ин-

Интерес грабителей к защитному вооружению могут служить ограбленные погребения с несколькими утерянными чешуйками от изъятого из могилы доспеха. Однако не исключено, что в подобных случаях из-за дороговизны доспеха в могилу клали несколько чешуек, символизировавших присутствие доспеха.

Не все из 16 отмеченных комплексов равноценны как источник. При анализе материала представляется целесообразным исключить разрушенное погребение из Волосской Балаклейки из-за фактического отсутствия каких-либо достоверных сведений о памятнике. К тому же расположение этого кургана выходит

далеко за пределы ареала северскодонецких памятников. Не будет учтен при анализе и курган у с. Дуванка, где был обнаружен «кусочек железной бляхи от панциря или щита» (Шрамко 1995, с.172), т.к. погребение относится к эпохе скифской архаике и использование его для характеристики позднего времени не корректно. Таким образом, выборка будет включать 14 комплексов (курганы №№ 5, 6, 9, 33 Песочинского могильника (Бабенко 2005), №№ 3, 4, 6, 11 группа-III (Бандуровский, Буйнов 2000) и № 1 группа-IV Старомерчанского могильника (Бандуровский, Буйнов 2001), № 11 Великогомольшанского могильника (Шрамко 1983), № 4 у с. Веселое (Шрамко 1992), № 5 у с. Протопоповка (Бабен-

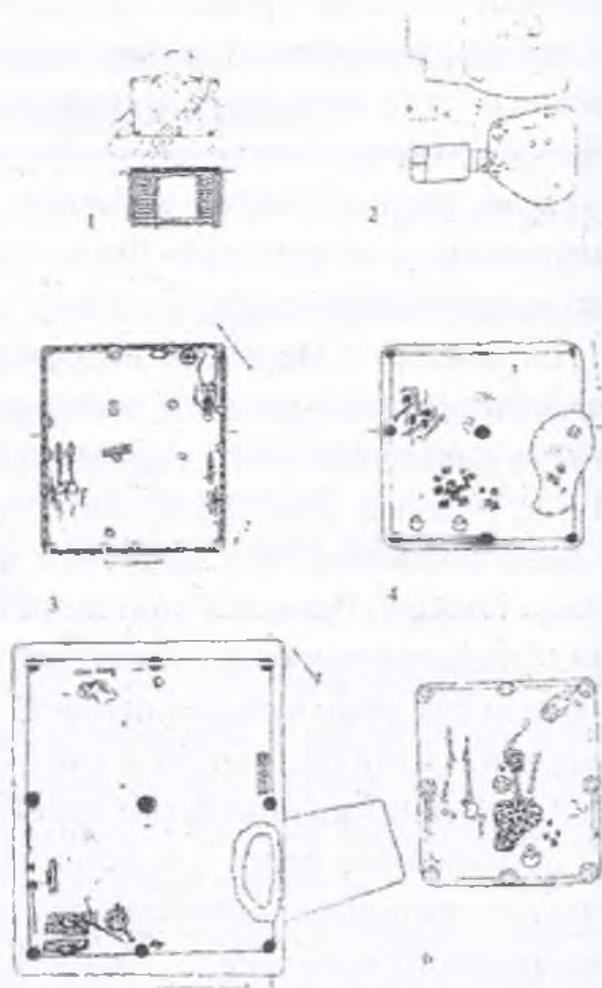

Рис. 1. Планы погребений, содержащих предметы защитного вооружения:

1. Великогомольшанский могильник, курган №11 "Орешек" (по Шрамко, 1983); 2. Курган №4 у с. Веселое (по Шрамко, 1992); №3-6 Старомерчанский могильник: 3. Курган №3; 4. Курган №4; 5. Курган №6; 6. Курган №11 (по: Бандуровский, Буйнов, 2000).

ко 2007), № 2 Нижнегиевского могильника (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998), у с. Тетюшино (Бандуровский, Буйнов 2001)). Один комплекс (курган у с. Тетюшино) относится к третьей четверти VI в. до н.э., два (№ 5 у с. Протопоповка и № 5 у с. Песочин) датируются V в. до н.э., остальные не выходят за пределы IV в. до н.э.

Ровно половина из оставшихся курганов имела высоту насыпи более 2 м, причем у четырех (Песочин/5,6,33;

Великая Гомольша/11) она превышала 3,9 м. В пяти курганах высота не достигала 1 м, еще у двух находилась в пределах 1,5 м.

В курганах, как правило, находилось по одной могиле, только два кургана (Песочин/6; Нижнегиевский/3) содержали по одному впускному захоронению, в насыпи еще одного зафиксировано сопровождающее погребение коня в отдельной могиле (Старый Мерчик-III/3). В обоих случаях предметы защитного вооружения содержали основные погребения.

Могилы были впущены в материк на глубину от 1,3 до 2,1 м (исключение составляет Тетюшинский курган, могила которого находилась на глубине 5,4 м), имели прямоугольную (за исключения катакомбы из кургана у с. Веселое) в плане форму и были ориентированы в меридиональном направлении, реже с отклонением в сторону линии северо-восток юго-запад. Практически во всех случаях, когда погребение было впущено в материк, вокруг

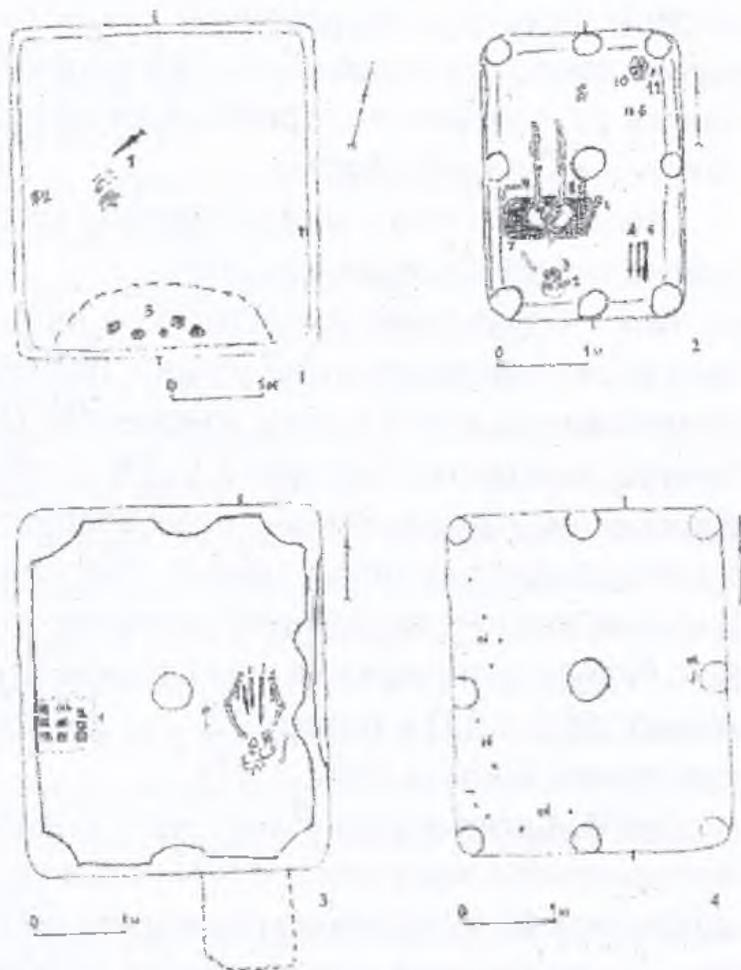

Рис. 2. Планы погребений, содержавших предметы защитного вооружения: 1-4 Песочинский могильник: 1 курган № 5, 2 курган № 6, 3 курган № 9, 4 курган № 33 (по Бабенко, 2005).

могилы на уровне погребенной почвы присутствовал глиняный выкид, как правило, примыкавший к могиле. Форма выкидов отличается разнообразием, преобладает кольцевая форма, известны также С- и Г-видная формы.

Среди разнообразных конструкций погребальных сооружений можно выделить следующие типы:

Тип 1. Грунтовые прямоугольные ямы с ровным горизонтальным дном и закругленными углами. Погребения в подобных ямах представлены всего в двух комплексах (Протопоповка, Нижняя Гиевка), что составляет около 14,2% от общего количества могил с доспехом, что значительно ниже среднего показателя по региону. Подобный тип погребального сооружения является преобладающим в северскодонецких курганах, составляя по подсчетам А.А. Моруженко (включая ямы с перекрытием) около 70% (Моруженко 1989, с.29) и более 70% по подсчетам Ю.В. Буйнова (Бандуровский, Буйнов 2000, с.33).

Тип 2. Склеп в грунтовой яме с ровиком по периметру дна, использовавшемуся для крепления деревянной облицовки могилы (курган № 5 Песочинского могильника). С западной стороны ямы на уровне древнего горизонта зафиксированы остатки двух истлевших бревен. Похожую конструкцию имел и склеп Тетюшинского кургана, стенки которого были облицованы деревом.

Тип 3. Склепы столбовой конструкции в грунтовой яме прямоугольной формы с 9 столбами — одним центральным и по четыре угловыми и боковыми (курганы № 33 Песочинского и № 6 Старомерчанского-III могильников). Остатки перекрытия в виде истлевшей древесины отмечены в кургане № 33.

Тип 4. Склепы столбовой конструкции в грунтовой яме прямоугольной формы и ровиками, идущими по периметру могилы. Главной особенностью конструкции, отличающей склепы данного типа от предыдущего, является наличие подобного ровика. Господствует вариант склепа с одним центральным, четырьмя боковыми и четырьмя угловыми столбами (курганы №№ 6, 9 Песочинского могильника, № 3 Старомерчанского-III могильника), однако в Старомерчанском кургане таких столбов было 17. Отличается этот курган и характером облицовки могилы — двойной с вертикальными, вкопанными в канавку горбылями и горизонтальными досками, закрепленными в пазах столбов. В кургане № 6 ровик вдоль западной и восточной стороны располагался не вплотную, а на

расстоянии 8-10 см от стенки. Склеп кургана № 9 имел такое же количество столбов, но здесь отсутствовал западный боковой столб, зато вдоль противоположной, восточной, стороны находились две боковые столбовые ямы.

В склепе кургана № 6 зафиксированы остатки перекрытия в виде двух колод, уложенных по длине ямы.

Тип 5. Склеп столбовой конструкции в грунтовой яме прямоугольной формы с 9 столбами — одним центральным и по четыре угловыми и боковыми (курган № 4 Старомерчанского-III могильника). Деревянный склеп по размеру был несколько меньше могильной ямы, пространство между внешними стенами склепа и грунтовой ямой забутовывалось глиной из материкового выкида.

Тип 6. Склепы столбовой конструкции в прямоугольных ямах, с горизонтальной облицовкой стен и дромосами. Склеп из кургана № 11 Старомерчанского-III могильника и по размеру был несколько меньше могильной ямы, как у предыдущего типа. Склеп из кургана «Орешек» Великогомольшанского могильника имел ровик только вдоль восточной стенки, в дромосе были вкопаны два дополнительных столба.

По устройству песочинские могилы ближе всего к погребальным сооружениям среднедонских могильников (Либеров 1965, с.11; Медведев 1999, с.93-97; Савченко 2000, с.271-273; Пузикова 2001), а также ряда памятников северскодонецкого региона (Бандуровский, Буйнов 2000, с.35-37).

Тип 7. Катакомба. Обнаружена в кургане № 4 у с. Веселое. Состояла из состоявшей из прямоугольного в плане колодца (2,05x1,35 м) с двумя ступеньками глубиной 4,1 м, в восточной стенке которого сделан арочный вход в катакомбу шириной 0,9 м. Камера имела трапецевидную форму с длиной торцевой стенки 3,4 м.

Площадь могил колеблется от 4,0 до 13,9 кв.м. (площадь могилы Тетюшинского кургана — 30,7 кв.м.!), причем в курганах с грунтовыми могилами площадь ям не превышала 7 кв.м., а в курганах с деревянными склепами и в катакомбе подобные показатели колеблются в пределах от 7,2 до 13,9 кв.м.

Количество погребенных установлено в 13 случаях. Более половины всего количества погребений — одиночные (7 случаев), в 6 случаях погребения парные (№№ 3, 4, 6, 11 Старомерчанского-III могильника, 5 Песочинского могильника и 4 у с. Веселое).

Однако, учитывая высокую степень ограбленности могил, число парных захоронений могло быть и большим.

Одиночные погребения интерпретированы как мужские, однако следует отметить, что половая принадлежность покойников определялась не по антропологическим остаткам, а по инвентарю. Среди парных погребений известны захоронения мужчины и женщины, а также двух мужчин («хозяин» и «слуга-оруженосец»).

Ориентировка погребенных определена в 10 случаях. Среди одиночных погребений преобладает ориентировка головой на юг (курганы №№ 6, 9 Песочинского могильника, № 5 Протопоповского и № 3 Нижнегиевского).

Среди парных захоронений погребенные каждой из могил имели одинаковую ориентировку – в одном случае южную (№ 4 Старомерчанского-III могильника) и в двух – юго-западную (№№ 3 и 6 этого же могильника).

Поза погребенных в большинстве случаев трудноопределима, доминирует вытянутое положение на спине, иногда с разведенными коленями в положении ромба (курганы №№ 9 Песочинского и 3 Старомерчанского-III могильников). Изредка одна из рук погребенного отведена в сторону.

Захоронения коней или предметов конского снаряжения встречены в шести могилах (курганы №№ 5, 9 Песочинского могильника; №№ 3, 4 Старомерчанского-III могильника; № 5 у с. Протопоповка и № 4 у с. Веселое), среди которых можно выделить несколько типов.

Тип 1. Погребение взнузданого коня в отдельной могиле рядом с основной (№ 3 Старомерчанского-III могильника).

Тип 2. Погребения части коня (взнузданого черепа со следами обжига) в нише-тайнике (№ 9 Песочинского могильника).

Тип 3. Присутствие предметов конского снаряжения в специальной нише-тайнике (№ 5 у с. Протопоповка).

Тип 4. Присутствие отдельных предметов конского снаряжения в общей могиле (№ 5 Песочинского могильника, № 4 Старомерчанского-III могильника, № 4 у с. Веселое).

Зафиксированы разнообразные случаи ритуального применения огня.

Самым многочисленным из предметов защитного вооружения является пластинчатый доспех, отдельные части которого обнару-

жены в 11 погребениях, однако из-за ограбленности могил их местоположение определено далеко не во всех случаях.

В кургане № 6 Песочинского могильника под тазом скелета лежали остатки поастичатого доспеха с железным пластинчатым покрытием, а на уровне последнего позвонка – кожаный пояс с бронзовым пластинчатым покрытием, что сближает данное захоронение с достаточно представительной серией погребений воинов на подстеленных панцирях или частях защитного доспеха (Золотой курган, Новорозановка (Шапошникова 1970, с.208-212), курганы № 6 у с. Александровка (Ковалева, Волкобой, Костенко и другие 1978, с.11-14), у с. Вишневка (Андрух 1988, с.159-161, рис.1), № 2/2 у с. Корнеевка (Ковалев, Полин 1991, с.41-43), у с. Гладковщина (Григорьев 1994, с.63-79) и другие. С.А. Скорый отмечает 11 случаев, из которых на степную область Северного Причерноморья приходится 8 (Скорый 2003, с.49)). С некоторой оговоркой, как упрощенный вариант погребений этой группы можно отнести комплекс кургана № 5 у с. Протопоповка, в котором выше костей таза погребенного были зафиксированы остатки кожаного пояса, украшенного бронзовыми пластинами. Возможно, к этой группе погребений относились и захоронения в курганах №№ 4 и 6 Старомерчанского-І могильника, где скопления железных панцирных пластинок концентрировались в районе туловища одного из погребенных. В кургане № 5 Песочинского могильника пластины от панциря были разбросаны вдоль юго-восточной стенки. В погребении кургана № 9 этого же остатков панциря в виде железных и бронзовых пластин находились у восточной, противоположной местоположению покойника, стенки могилы. Из-за ограбленности могил местоположение панцирей остальных комплексов однозначно определить невозможно.

Остатки портупейного пояса обнаружены в четырех комплексах, причем в двух случаях, уже отмеченных выше, они находились *in situ*, немного выше тазовых костей (№ 6 Песочинского могильника, № 5 Протопоповского могильника). О местоположении пояса из кургана «Орешек» Великогомольшанского могильника и Тетюшинского кургана ничего определенного сказать нельзя.

Поножи обнаружены в четырех комплексах. В кургане № 3 Старомерчанского-III могильника пара бронзовых поножей зафиксирована на берцовых костях основного покойника. В курга-

не № 11 поножи находились в западном углу могилы, вместе с набором другого вооружения (колчан со стрелами, меч, нагайка, наконечники дротиков и копья), т.е., скорее всего, покойник не был в них облачен. Фрагменты цельнометаллических бронзовых поножей обнаружены в засыпке могилы кургана № 33 Песочинского могильника и кургане «Орешек» Великогомольшанского могильника.

Из наступательного вооружения наиболее представительными являются наконечники стрел, обнаруженные во всех комплексах (в ограбленном погребении кургана № 4 у с. Веселое наконечники стрел не выявлены, но присутствие колчанного крючка однозначно свидетельствует о их присутствии в комплексе до ограбления). Особо следует отметить курганы №№6 и 9 Песочинского могильника и №№3 и 11 Старомерчанского-III могильника, содержащих по два колчаных набора.

Наконечники копий, дротиков и втоки выявлены в 8 комплексах в количестве от 1 до 5 экземпляров (курган № 3 Старомерчанского-III могильника).

В четырех комплексах были обнаружены мечи (29%), что значительно превышает средний показатель по региону. Следует также добавить, что меч находился и в разрушенном погребении у с. Волосская Балаклея.

Интересно проследить состав паноплии воинов, обладавших различными элементами доспеха. Взаимовстречаемость предметов наступательного и защитного вооружения (в случае присутствия двух и более видов оружия) представлена следующими вариантами: пластинчатый доспех, наконечники стрел, два втока, меч (курган № 5, Песочин), наконечники стрел, копье, дротики, втоки, пластинчатый доспех и пояс (курган № 6, Песочин), наконечники стрел, два копья, дротик, три втока, пластинчатый доспех (курган № 9, Песочин), наконечники стрел, дротик, два втока, поножи (курган № 33, Песочин), поножи, наконечники стрел, копья, дротики, втоки, меч (курган № 3, Старый Мерчик-III), наконечники стрел, пластинчатый доспех (курган № 4 и 6, Старый Мерчик-III; № 1 Старый Мерчик-IV), поножи, наконечники стрел, дротиков, копья, меч (курган № 11, Старый Мерчик-III), пластинчатый доспех, пояс, поножи, наконечники стрел (№ 11, Великая Гомольша), пояс, наконечники стрел, копье, вток (№ 5, Протопоповка), пластинчатый доспех, пояс, наконечники стрел (Тетюшинский курган).

Из остального инвентаря в погребениях с предметами защитного вооружения (помимо отмеченного выше наступательного вооружения и конского снаряжения) следует отметить находки глиняной и металлической посуды, импортной (серебряный кубок и ручка от серебряной чаши, амфоры, кувшин, канфар) и местной (бронзовый котел, лепной горшок), разнообразных украшений гривна, сережки, перстней, браслеты, золотая пластинчатая аппликация, бусы, зеркала. Из орудий труда и предметов быта наиболее широко представлены ножи, известны также находки шильев и крюков.

Можно выделить следующие характерные черты погребального обряда населения северскодонецкого региона, оставившего захоронения, содержавшие разнообразные предметы защитного вооружения:

1. Значительная доля курганов с насыпью большой (свыше 4 м) высоты.
2. Преобладание курганов с одной могилой, влущенной в материк.
3. Преобладание деревянных гробниц различных конструкций.
4. Подавляющее преобладание меридиональной ориентировки погребальных сооружений.
5. Господствующий обряд погребения вытянутое трупположение на спине.
6. Значительная доля парных захоронений, превышающая средние показатели по региону.
7. Преобладающая ориентировка погребенных южная и юго-западная.
8. Присутствие в могилах захоронений коня и предметов конского снаряжения.

Таким образом, распространение различных предметов доспеха среди северскодонецкого населения в скифское время нельзя назвать масштабным, однако его использование местными воинами было довольно устойчиво. К сожалению, ограбленность подавляющего большинства северскодонецких погребальных комплексов исключает возможность их реконструкции, однако не приходится сомневаться, что они были достаточно близки традиционному скифскому пластинчатому доспеху, хорошо известному по многочисленным степным памятникам. В то же время отчетливо

видно, что различные предметы доспеха были доступны в основном представителям местной воинской верхушки. Все 4 комплекса Песочинского могильника, содержавшие предметы защитного вооружения, отнесены к первой социальной группы, представленной погребениями местной знати (Бабенко 2005, с.181). Это же в полной мере относится и к Тетюшинскому кургану, комплексам Старомерчанского могильника, кургану «Орешек» Великогомольшанского могильника, № 5 Протопоповского могильника. В этом отношении достаточно показателен тот факт, что подавляющее большинство погребений было совершено в деревянных гробницах различных типов погребальном сооружении, используемом преимущественно при захоронении представителей более высоких социальных групп.

Обращает на себя внимание и значительно более высокая, нежели в среднем по региону, доля погребений, которые сопровождалась захоронением взнузданного коня либо его части, или же положением в могилу различных предметов конской узда, символизирующих присутствие в могиле боевого коня. Подобное сочетание достаточно ярко свидетельствует о характере местного войска, представленного конницей, воины которой использовали типичное для этого времени наступательное вооружения (лук и стрелы, копья, дротики, мечи).

Можно с уверенностью утверждать, что функции подобных воинов-дружинников не сводились только к охране «родных рубежей», а были значительно шире. К последним следует отнести как охрану торговых караванов (северскодонецкий регион был местом пересечения ряда торговых путей, идущих в субмеридиональном (Муравский шлях) и субширотном (геродотовский путь в страну аргиппеев) направлениях (Болтрик 1990, с.35; Островерхов, 1981, с.91; Шрамко 1987, с.20-24, рис.1; 1998, с.127; Бандуровский, Буйнов 2000, с.121-123; Безсонова 2000, с.127), так и возможное активное участие северскодонецких воинов в многочисленных кампаниях, проводимых в это время под непосредственным руководством степных скифов и успешные результаты которых нашли соответствующее отражение в материалах песочинского и старомерчанского могильников, а также других памятников.

Литература

Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. №1. С.159-170.

Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005. 284с.

Бабенко Л.И. Предмети озброєння та військового спорядження у похованнях Протопопівського курганного могильника // Харьковский археологический сборник. Харьков, 2007. Вып.2. - С.30-39.

Бакуменко К.І. Знахідки елементів лускових скіфських обладунків на території Харківської області // Одинадцяті Сумцовські читання. Харків, 2006. - С.23-26.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г.Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998. С.143-182.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). - К., 2000. - 236с.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Исследования курганов скифского периода в Валковском районе на Харьковщине // Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 рр. - К., 2001. С.72-75.

Безсонова С.С. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія. 2000. №2. С.116-131.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. 1990. №4. - С.30-45.

Гречко Д.С. Озброєння та військова справа населення сіверськодонецького Лісостепу у кінці VI-IV ст. до н.е. // Древности 2006-2008. - Харьков, 2008. - С.21-35.

Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с.Гладковщина // Древности скифов. К., 1994.- С.63-79.

Ковалев Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с.Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии. - К., 1991. - С.33-53.

Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс до н.э.). Днепропетровск, 1978. Вып.2. - С.4-31.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. №113. - С.5-85.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып.Д1-31. - 112с.

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. - М., 1999. - 160с.

Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днестра и Дона в скифское время // СА. 1989. №4. - С.25-40.

Островец А.С. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. - К., 1981. - С.84-94.

Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружины у с.Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. - К., 1984а. - С.103-119.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). - М., 2001. - 272с.

Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). К., 2003. - 161с.

Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р.Ингул // СА. 1970. №3. - С.208-212.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. - Харьков, 1962. - 404с.

Шрамко Б.А. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. 1983. №43. - С.54-61.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). - К., 1987. - 178с.

Шрамко Б.А. Курганы у с.Веселое в Харьковской области // ВХУ. 1992. Вып.25. - С.110-119.

Шрамко Б.А. Биритуальный курган у с.Дуванка // Древности 1995. Харьков, 1995. - С.172, 173.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998. - С.9-131.

Резюме

Бабенко Л.І. Поховання із захисним обладунком у сіверськодонецьких племен у скіфську добу

На цей час серед поховань сіверськодонецького населення скіфського часу нараховується щонайменш 16 комплексів, що містили залишки захисного обладунку – панцира, портупейного поясу, поножів. Більша частина поховань належить місцевій воєнізованій верхівці, що брала активну участь у кампаніях степових скіфів